

Н. Портнова (nelli710@013net.net)

ДВА ПИСЬМА ЛЕО ШТРАУСА ААРОНУ ШТЕЙНБЕРГУ. 1935 г.

Резюме: Лео Штраус и Аарон Штейнберг принадлежат к числу выдающихся мыслителей XX века. В отличие от философии Штрауса, труды Штейнберга не получили соответствующего освещения. В петроградский период (1918–1922) и в эмиграции он играл важную роль в русской и еврейской интеллектуальной жизни. Еврейскую философию, в том числе, наследие Маймонида, он рассматривал как важнейший элемент еврейского национального и интеллектуального обновления. Поэтому неудивительно, что Л.Штраус, чья книга «Философия и закон» вышла в Берлине в 1935 г., послал ее Штейнбергу. В двух письмах другу он обосновывает свою интерпретацию Маймонида, а также взгляды на историю философии вообще.

Ключевые слова: Л. Штраус, А. Штейнберг, Маймонид, письма Штрауса Штейнбергу.

Перевод с немецкого: Маргарита Фортус; транскрипция: Инка Аройо Антецана.

N. Portnova

LEO STRAUSS' TWO LETTERS TO AARON STEINBERG (1935)

Abstract: Both Leo Strauss and Aaron Steinberg are counted among the prominent intellectuals of the 20th century. While the intellectual way of Strauss is known in details due to his place in the recent political philosophy, Steinberg's thought waits to be studied in a proper way. During his stay in Petrograd (1918-1922) and after he emigrated, Steinberg held an important position in Russian-Jewish intellectual life. He considered Jewish philosophy including the heritage of Maimonides the core part of Jewish national and intellectual renewal. It explains why Strauss, whose book Philosophie und Gesetz appeared in 1935 in Berlin, sent it to Steinberg. In the two letters to his friend Strauss explains the foundation for his interpretation of Maimonides as well as his general outlook on philosophy of history.

Keywords: Leo Strauss, Aaron Steinberg, Maimonides, Strauss' letters to Steinberg.

Translation: Margarita Fortus; transcription: Inka Arroyo Antezana

Философы Лео Штраус (1899–1973) и Аарон Штейнберг (1891–1975) до середины 1930-х гг. не встречались. Оба получили образование в Германии, но с разницей в полтора десятилетия. В 1925—1932 гг. Л. Штраус работал в Академии еврейских исследований в Берлине, А. Штейнберг начал печататься, будучи студентом Гейдельберга, еще в 1910-е годы — в качестве рецензента, критика и корреспондента «Русской мысли». После войны, вернувшись в Россию, он проявил себя в среде петербургской интеллигентской элиты как один из инициаторов и ученый секретарь Вольной философской ассоциации, преподаватель и талантливый ученый. В 1920–1930-е гг. оба были сторонниками еврейского духовного и культурного возрождения.

В начале 1930-х гг., как и другие евреи-интеллигенты Германии, они искали убежища в европейских странах. А. Штейнбергу удалось получить британскую визу и в конце 1934 г. переехать в Лондон, возобновив в новых условиях свою многогранную работу. Л. Штраус, пустившийся в поиски работы еще раньше, одно время был занят в Кембриджском университете. Два его письма А. Штейнбергу 1935 года, хранящиеся в личном архиве последнего¹, проливают свет на их профессиональные занятия в то время. Штраус интересуется мнением адресата по нескольким темам.

В первую очередь он заинтересован в реакции на свою, только что вышедшую в Берлине книгу о Маймониде². Публикация была приурочена к 800-летию философа, отмечаемому в разных странах. Можно представить, что Штейнберг горячо поддержал тему работы. Во-первых, согласно семейному преданию, Маймонид значился в родословной Штейнберга со стороны отца. В воспитании, которое получили братья Штейнберги, еврейская культура была важнейшей исходной частью мировой культуры, а в годы мирового кризиса еврейские источники стали особенно близки Аарону. «Последние два месяца я много занимаюсь РАМБАМом (Маймонидом), — писал он своему другу Марте Нотман в Палестину, — и убеждаюсь снова, что иудаизм сделался навсегда серьезно мой, вместе с преобладанием духовного»³. Без наследия Маймонида, считал он, невозможно спасти не только еврейство, но и европейский гуманизм вообще. «В 1935 г. мир стоит перед завтрашним днем, в котором будут скрежет зубовой, смертельный страх, кровь, смертоносный яд и огонь. В сердце

¹ Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection. P/159. Box XVI.

² Philosophie und Gesetz: Beiträge zum Verständnis Maimunis und seiner Vorläufer. Schocken. Berlin. 1935. («Философия и закон. Пояснения к Маймониду и его предшественникам»).

³ Archives for the History, box XV, XVa.

Европы, в стране науки о еврействе, в которой тридцать лет тому назад публиковались ученые исследования о мыслителе Рамбаме, сейчас возникло государство, которое официально отвергает западноевропейский либеральный гуманизм и проповедует якобы научный, биологический гаманизм...»⁴, — писал Штейнберг в еженедельнике «Дос Фрайе Ворт».

Второй важнейшей темой, которую поднимал Штраус, было отношение к традиции. Прежде всего, он подчеркивает необходимость «вечного соизмерения» с прошлым, без опоры на которое не может быть современной философии. При этом он не может не заметить (деликатно и с уважением) различие: его адресат «твердо стоите на почве нашей традиции», включая религиозную ее струю, а сам он смотрит на религию извне. Но это обстоятельство, как следует из письма, нисколько не разделяет их.

Третьим мотивом, продолжающим тему философской традиции, было место Платона, ставшего для Штрауса в то время ядром складывающейся идеологии. Его мысль однозначна и выражается решительно: базисом философии современности должно стать наследие греческого мыслителя без последующих наслоений. И снова очевидны как поддержка, так и возможная полемика Штейнберга. Собственный опыт последнего в отношении к Платону был очень разнообразен. В годы учебы Платон помогал юноше стать духовно независимым, в военные годы — не опуститься и не отчаяться в немецкой деревушке, куда он был интернирован: «Эти дни прошли целиком за Платоном, теорией научного познания и бомбардировкой Verdun'а»⁵. Платоновская диалогичность позволила Штейнбергу прийти позже к новому прочтению Ф. Достоевского⁶. Платон, как и второй его учитель Парменид, служили не только базисом собственной будущей системы, но и своей личности. «Эстетический пантеизм и религиозное проникновение в природную жизнь — две стороны одного и того же: целостного восприятия жизни, где нет двух действий: я и мир. Где мир сверхличен, где личность сверхмирна»⁷. Но А. Штейнберг старался учитывать наследие не только европейской, но и русской мысли, не только классической, но и современной: А. Бергсона, К. Ясперса, М. Вебера, Л. Шестова. Л. Штраус убеждает своего адресата в обратном, он не признает модерн, и даже национал-социализм видится ему следствием модерна. Неизвестно, высказал ли Штейнберг свое несогласие с корреспондентом, но оно было возможно.

В 1937 г. Штраус покинул Европу. В Америке, как известно, он стал творцом политической философии, которая сделала его имя знаменитым. Штейнберг шел своим путем. В Лондоне он обрел вторую родину. Несмо-

⁴ א.ש. 'צוריק צום רמב"ם?', דאס פרייע ווארט, 12.4.1935, עמ' 2.

⁵ Archives for the History, box. VIII. Дневник 29.II. 1916

⁶ См. его доклад «Достоевский как философ», переработанный в книгу «Система свободы Достоевского». Берлин. 1923.

⁷ Archives for the History, box VIII. Дневник. 5.II. 1917

тря на горячее стремление заниматься только «чистой философией», он все глубже погружался в общественную работу: спасение и восстановление еврейской культуры (как глава отдела культуры Всемирного Еврейского Конгресса и его представитель в ЮНЕСКО). Штейнбергу не удалось создать собственную философскую систему; в последние годы он занимался анализом самосознания, обретая и демонстрируя в различных литературных формах собственный опыт философа-экзистенциалиста⁸.

I.

38 Penn Road, Cambridge den 10. April 1935

Lieber Herr Steinberg!

Mit gleicher Post geht ein Exemplar meiner Rambam-Schrift an Sie ab. Die Einleitung sagt hoffentlich etwas klarer dasselbe, was ich nur unzulänglich in meinem Referat damals sagen konnte. Die ganze Schrift ist Ihnen sicherlich zu „reaktionär“, aber wir Juden können gar nicht reaktionär genug sein (ganz abgesehen davon, dass der Vergleich als ewiger Vergleich das Uralte, Aller-Älteste ist), wenn sie die nächsten Jahrhunderte anständig überstehen wollen. Sie, der Sie so sicher auf dem Boden unserer Tradition stehen, können es sich erlauben, die Moderne günstiger zu beurteilen, u. a. der modernen Wendung zur Geschichte einen günstigeren Sinn abzugewinnen als ich es tun kann — Leute wie ich, die von aussen her, d. h. ungläubigerweise unsere Tradition verstehen wollen, haben bestimmt nur einen Zugang zu ihr: den Weg mit Platos Staat und Gesetzen.

Für mich ist von besonderer Wichtigkeit die Einsicht, der ich einen vorläufigen Ausdruck auf S. 62 M.[itte]/ Ende (und der Anm.[merkung] 1 daselbst, sowie S. 104 Anm.[merkung] 3) gegeben habe. In der islamischen und christlichen Apologetik spielt eine große Rolle die Zerrissenheit Muhammeds, bzw. Jesu. Demgegenüber die jüdische Auffassung, dass der Prophet über alle natürlichen Tugenden verfügen muss (reich, tapfer, usw. sein muss), vor allem aber in der weltlichen Weisheit erfahren. Könnten Sie mir die wichtigsten Belege für die Überlieferung mitteilen, dass Moses in der Weisheit der Ägypter unterrichtet war? Das ist von der größten Bedeutung für meine weiteren Untersuchungen.

Wann kommen Sie endlich zu uns? Wir freuen uns alle auf Ihren — doch versprochenen — Besuch. Wir erinnern uns oft der schönen Unterhaltungen mit Ihnen in London. — (Liegt es etwa am Geld? Wenn Sie am Sonntag mit dem richtigen Zug fahren, kostet es nur 4 s.).

Leben Sie wohl! Grüßen Sie bitte Ihren Bruder vielmals und seien Sie selbst herzlich begrüßt von Ihrem Leo Strauss

Meine Frau lässt Sie vielmals grüssen und bittet Sie ebenfalls, uns doch bald zu besuchen.

⁸ Штейнберг, А. 3. Проза философа. Мюнхен, 2014.

Перевод

38 Penn Road, Cambridge, 10 апреля 1935

Дорогой господин Штейнберг!

С этой же почтой Вам отправлен экземпляр моего сочинения о Рамбаме. Вступление, я надеюсь, несколько проясняет то, что я не смог достаточно выразить в своем давешнем реферате. Все это сочинение наверняка покажется Вам слишком «реакционным», но для нас, евреев, ничто не бывает слишком реакционно (более того, соизмерение, вечное соизмерение, является древнейшим, приемом), если мы хотим достойно пережить следующие века.

Вы, который так твердо стоите на почве нашей традиции, можете себе позволить более выгодно оценить современность и, в частности, извлечь больше выгоды из современного интереса к истории, чем это могу я — люди, вроде меня, которые извне, т. е. скептически, относятся к нашей традиции, вероятно имеют к ней только один подход: через «Государство» и «Законы» Платона.

Особенно важно для меня соображение, которое я предварительно выразил в середине/в конце 62. стр. (прим. 1, а также на стр. 104, прим. 3). В исламской и христианской апологетике большое значение имеет двойственная природа Мухаммеда, или же, соотв[етственно], Иисуса. В иудейском восприятии, напротив, пророк должен обладать всеми естественными добродетелями (богатством, храбростью и т. д.), особенно, обладать светской мудростью. Можете ли Вы мне привести главные доводы, подтверждающие предание о том, что Моисей был обучен мудрости у египтян? Это имеет большое значение для моих дальнейших исследований.

Когда Вы, наконец, к нам приедете? Мы все будем очень рады Вашему обещанному приезду. Мы часто вспоминаем замечательные беседы с Вами в Лондоне. (Неужели дело в деньгах? Если Вы в воскресенье сядете на правильный поезд, это стоит всего лишь 4 ш[иллинга]).

Прощайте! Передавайте огромный привет Вашему брату. Сердечный привет Вам от Вашего Лео Штрауса.

Моя жена передает Вам огромный привет и просит Вас скорее навестить нас.

Л. Штраус

II.

38 Penn Road, Cambridge, den 2. Juni 1935

Lieber Herr Steinberg,

Ich habe so lange nichts von mir hören lassen, weil ich so sehr beschäftigt war, und auch, weil ich immer hoffte, Sie kämen einmal zu uns. Da Sie das aber

bis heute nicht getan haben, will ich nun nicht länger zögern, Ihnen für Ihren Brief vom 15. April herzlich zu danken.

Sie hatten damals gerade meine Schrift über Rambam bekommen, und hatten wohl aus deren Einleitung den Eindruck, dass ich auf dem verkehrten Wege bin. Den Zusammenhang mit der "allerneuesten Rückläufigkeit" sehe ich [selbstverständlich?] so: Die Sache ist somit für alle zum Äussersten gekommen, und die Möglichkeiten, mit denen man sich bisher beruhigen konnte, vielmehr man sich beruhigen zu dürfen glaubte, sind nun auch offenbar geworden in ihren absurden Konsequenzen. Ich glaube allen Ernstes, dass der Nationalsozialismus die [lebendige?] Konsequenz des modernen Prinzips als solchen ist. Aber war nicht — werden Sie einwenden — auch Kant ein Moderner und ist er nicht rechtlich unverantwortlich für den Nationalsozialismus? — Ich sage, das moderne Prinzip, d.h. der Bruch mit dem Rationalismus, ist die Wurzel des Unglücks. Die Belastbarkeit dieses Prinzips, das meines Erachtens am schärfsten sichtbar wird bei Hobbes, wurde sehr bald erkannt, und in gewisser Weise ist die gesamte moderne Philosophie eine Reaktion gegen das moderne Prinzip, aber eine Reaktion im wirklichen Sinne: man korrigierte jeweils notdürftig, ein radikaler Begriff des Prinzips ist niemals erfolgt (es sei denn bei Swift, einem allzu verkannten Manne), was man an der einen Stelle verbesserte — und zwar immer im Rückgang auf die Antike, speziell auf Plato —, verschlimmerte man an der anderen; bis schließlich die letzten Reste der Tradition, einer vernünftigen Tradition, aufgerieben waren. Und da stehen wir heute. Ich weiss wohl, dass diese These prima facie gesagt erscheint; aber ich glaube, dass ich sie beweisen kann und dass ich sie eines Tages auch in der Öffentlichkeit werde beweisen können. Der positive Sinn meiner negativen These ist: dass die platonische Philosophie ohne jeden modernen Abstrich restituiert werden muss; und selbst die Dunkelheiten und Aporien, die dann bleiben werden, die dann erst wieder fühlbar sein werden, sind den Neu-Klarheiten des Modernen unbedingt vorzuziehen. Die platonische Philosophie — das ist nicht das, was man gewöhnlich Platonismus nennt. Der Platonismus fängt genau da an, wo Platon aufhört — das heisst, er sieht gar nicht recht das elementare Problem, um das es [jedenfalls?] in Platons Dialogen allein geht. Die wirkliche Geschichte der Wirkung Platons sieht ganz anders aus als die Geschichte des Platonismus bei den sog. Philosophie Historikern — in jener ist, wie ich jetzt erst zu sehen beginne, — der Rambam von einzigartiger Wichtigkeit. Ich glaube tatsächlich, dass der ganze Moreh⁹ der Sache nach ein Versuch ist, den ursprünglichen Platonismus gegenüb[er] den spätantiken Verzerrungen zu restituieren. Ich wäre sehr froh, wenn wir uns einmal darüber unterhalten könnten. (Was ich in meiner Schrift üb[er] Rambam zu Platon gesagt habe, ist, wie ich nunmehr weiss, nur ein kleiner Teil des wirklichen Sachverhalts).

⁹ d.i. Rambams *Moreh Nevuchim*.

Ich habe aber nicht angefangen, meine Rambam Studien wieder aufzunehmen. Das ist hier in Cambridge nicht ganz einfach, da hier nicht einmal die Munksche¹⁰ Edition des Moreh zu haben ist, auch nicht der Moreh haMore¹¹ des Narbonius Kommentar. Gibt es vielleicht in Ihrer Londoner Bekanntschaft einen Herren, der diese Bücher besitzt und sie mir ev.[entuell] für einige Wochen leihen würde? Wenn Sie mir dazu verhelfen könnten, täten Sie mir einen sehr grossen Gefallen.

Dann habe ich noch eine Bitte. Sie erzählten mir in London von Ihrer jiddischen Zeitschrift. Ich möchte Sie nun fragen, ob finanziell die Möglichkeit besteht, das Bernhard Bernson, der Bruder meiner Frau, an ihr mitarbeitet. Er will einen Zyklus an Gesprächen schreiben, z. B. üb[er] “jiddisches Theater“, “Ostjuden und Westjuden” u. ä. Kommen Beiträge dieser Art für Sie in Frage?

Ich schliesse mit der Wiederholung unserer Bitte, dass Sie uns doch einmal hier besuchen. Wir würden uns sehr freuen, wenn Sie dieser Bitte entsprächen.

Also — hoffentlich sehen wir uns bald.

Mit herzlichen Grüssen, auch im Namen meiner Frau,

Ihr Leo Strauss

Bitte Ihren Bruder vielmals zu grüssen.

Перевод:

38 Penn Road, Cambridge, 2 июня 1935

Дорогой господин Штейнберг,

Я долго не давал о себе ничего знать, потому что был очень занят и еще потому, что я все надеялся, что Вы к нам приедете. Так как Вы этого до сих пор не сделали, я не хочу больше медлить и сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 15-го апреля.

Вы тогда получили мое сочинение о Рамбаме, и от его вступления у Вас, пожалуй, сложилось впечатление, что я нахожусь на неверном пути. Связь с “нынешним регрессом” я, конечно, вижу так: все это дошло до крайности, и стали очевидны абсурдные следствия доводов, которыми мы себя успокаивали, вернее, которым мы позволили себя успокоить. Я действительно верю в то, что национал-социализм является следствием модерна как такового. Но ведь Кант — возразите Вы — был представителем модерна и при этом вовсе не несет ответственность за национал-социализм. Я говорю: принцип модерна, т. е. разрыв с рационализмом, является корнем несчастья. Ущербность модерна, которая ярче всего выражается у Гоббса, стала очевидна очень быстро, и в какой-то

¹⁰ Salomon Munk, *Guide des Égares*, Paris 1856–1866.

¹¹ Kommentar des Shem Tov Falaqueras [Palkira] (ca. 1225–1295) zum *Moreh Nevuchim*, Pressburg [Bratislava] 1837.

степени вся современная философия является реакцией на модерн, но реакцией в буквальном смысле: кое-какие исправления; коренная же идея модерна не реализовалась (разве что у Свифта, весьма непризнанного человека). Что исправлялось в одном месте — а именно всегда с отсылкой к античности, а конкретно — к Платону, — то ухудшалось в другом месте, до того, как, в конце концов, последние остатки традиции, рациональной традиции, были уничтожены. И вот тут мы сейчас находимся. Я хорошо знаю, что этот тезис звучит несколько поверхностно, но я верю в то, что смогу его доказать и когда-нибудь довести до общественности. Позитивный смысл моего негативного тезиса в следующем: философия Платона должна быть восстановлена без всякого современного налета, и даже все ее неясности и противоречия, которые останутся, которые только тогда станут снова ощутимыми, нужно предпочесть новой ясности модерна.

Философия Платона — это не то, что обычно называют платонизмом. Платонизм начинается именно там, где Платон заканчивает — это означает, что платонизм не видит изначальной проблемы, о которой, собственно, идет речь в диалогах Платона. Истинная история влияния Платона выглядит совершенно иначе, чем история платонизма у так называемых историков философии, для которой, как я сейчас начинаю понимать, Рамбам исключительно важен. Я действительно верю в то, что весь «Могеһ» является, в сущности, попыткой избавиться изначальный платонизм от позднеантичных искажений. Я был бы очень рад, если бы мы как-нибудь могли бы об этом поговорить (В моем сочинении о Рамбаме раскрыта только малая часть темы Платона).

Однако я еще не возобновил свои исследования о Рамбаме. Тут в Кембридже это не так просто, так как тут не найти даже мунковского издания Могеһ, а также комментария Нарбони. Нет ли среди Ваших знакомых в Лондоне человека, у которого есть эти книги и который бы мог мне их одолжить на несколько недель? Если бы Вы смогли мне в этом помочь, Вы бы сделали мне очень большое одолжение.

Еще у меня есть одна просьба. Вы рассказывали мне в Лондоне о Вашем журнале на идише. Теперь я хочу Вас спросить, осуществимо ли с финансовой точки зрения, чтобы Бернхард Бернсон, брат моей жены, работал в нём? Он хочет написать цикл бесед, например: «идишский театр», «восточные и западные евреи» и т. п. Подходят ли Вам такие статьи?

На этом я заканчиваю, повторяя свою просьбу посетить нас. Мы будем очень рады, если Вы эту просьбу выполните. Так что надеюсь скоро с Вами увидеться.

С сердечными пожеланиями, также от моей жены,
Ваш Лео Штраус.

Передавайте большой привет Вашему брату.